

Развитие сюжета "Братьев Карамазовых" — это в значительной степени *наказание* Ивана, или, вернее, само-наказание, потому что, в отличие от Раскольникова, у него нет внешнего страха. Иван и казнит себя сам сначала признанием, что он "прямо в Федоры Павловны" "вступает", а затем сознанием отцеубийства. Вершина наказания — символическая галлюцинация черта, в которую герой поверил как в реальность. Этот мотив, явление "собственного беса", уже был использован Достоевским для Ставрогина в журнальном тексте романа, но там бес "ужасно злился" и только хотел, чтобы герой в него "уверовал в самом деле". Иван же запустил в черта стаканом, а черт торжествовал полную победу. Такова трагедия Ивана, мечтателя и пророка, заступника и диктатора, гордо преодолевшего гамлетовское сомнение, но оставшегося Гамлетом в "непостижимой вершине", "на которую он самовластно себя поставил над миром", желая "соединить собой" все ту же "цепь времен".

Иван не истребил себя, как Ставрогин, и не успокоился, не смирился, как Версиков, — он остался жить со всем происшедшим кошмаром и вечным, безответным своим вопросом... Этот бредущий из десятилетия в десятилетие, из романа в роман, грешный и бунтующий, остро страдающий за все зло, совершенное человечеством, и страстно жаждущий ему счастья и покоя. Русский Гамлет есть, несомненно, *сам Достоевский*, который незадолго до смерти, пытаясь "разгадать" пушкинскую "тайну", неслучайно вспомнил о "всемирности, всепонятности и неисследимой глубине" шекспировских типов.

Елена Дрыжакова